
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

УДК 433

DOI: 10.31249/hoc/2024.04.14

Белянин С.В.*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**БАРЕНБЕРГ А. ОТ ГОРОДА ГУЛАГА К МОНОГОРОДУ:
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД И ЕГО НАСЛЕДИЕ В ВОРКУТЕ. –
МОСКВА : НОВОЕ ЛИТ. ОБОЗРЕНИЕ, 2024 – 384 с.**

Получена: 02.08.2024

Принята к печати: 09.09.2024

Для цитирования: Белянин С.В. [рец] // Вестник культурологии. – 2024. – № 4(111). – С. 225–232. – Рецензия на книгу: Баренберг А. От города ГУЛАГА к моногороду: принудительный труд и его наследие в Воркуте. – Москва : Новое лит. обозрение, 2024. – 384 с. – DOI: 10.31249/hoc/2024.04.14

Belyanin S.V.

**Book review: Barenberg A. Gulag Town, Company Town:
Forced Labor and its Legacy in Vorkuta.
Moscow : New Literary Observer, 2024. – 348 p.**

Recieved: 02.08.2024

Accepted: 09.09.2024

* **Белянин Сергей Владимирович** – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; sergey.belyanin10@gmail.com

Belyanin Sergey Vladimirovich – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; sergey.belyanin10@gmail.com

For quoting: Belyanin S.V. [review] // Herald of Culturology. – 2024. – No. 4(111). – P. 225–232. – Book review: Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and its Legacy in Vorkuta. – Moscow : New Literary Observer, 2024. – 348 p. DOI: 10.31249/hoc/2024.04.14

В 2024 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел перевод книги историка, профессора Техасского технологического университета, специалиста по социально-экономической истории СССР в 1930–1970 гг. Алана Баренберга «От города ГУЛАГа к моногороду: принудительный труд и его наследие в Воркуте». Англоязычный вариант книги вышел в 2014 г., однако материал – документы и устные свидетельства – были собраны автором за десять лет до публикации. Книга состоит из шести глав и эпилога. Исследование посвящено пост-ГУЛАГовской трансформации Воркуты – крупнейшего города за полярным кругом. Баренберг опровергает восходящее к Александру Солженицыну представление о ГУЛАГе как об архипелаге островов, отделенных от «материка» советского общества. Историк показывает, что лагеря ГУЛАГа были связаны с советским обществом теснее, чем было принято считать ранее. Воркута и Воркутлаг представляли собой экосистему экономических связей, социальных отношений и статусов, более нюансированных, чем деление на заключенных и свободных горожан. Размытость границы между заключенными и незаключенными позволяла администрации решать насущные проблемы угледобычи и городской жизни.

Лагерное начальство использовало лазейки в советском законодательстве, создавая сеть патронажа «полезных» заключенных, получавших привилегии в обмен на ценные профессиональные навыки.

Первые поселения на берегу реки Воркуты появились в начале 1930-х годов, вскоре после открытия Георгием Черновым Печерского угольного бассейна – крупнейшего месторождения каменного угля в европейской части России. Печорский бассейн открыли в разгар первой пятилетки, во время которой происходило необычайно интенсивное развитие промышленности, испытывающей потребность в каменном угле. Создание поселений на реке Воркуте рассматривалось руководством Советского Союза как способ колонизации и эксплуатации природных ресурсов Арктики. В 1931 г. Политбюро приняло резолюцию о систематической добыче угля под руководством ОГПУ.

Резолюция определила, что разрабатывать месторождения будут преимущественно заключенные и ссыльные. В конце тридцатых – начале сороковых годов Воркутлаг был крупнейшим и самым быстрорастущим лагерем ГУЛАГа. Воркутинские лагеря стали местом тяжелого труда, страданий и смертей десятков тысяч человек – по официальной статистике ГУЛАГа (вероятно, сильно заниженной), в период с 1942 по 1954 год в лагерях умерло около двадцати тысяч заключенных.

Подготовка к войне стала катализатором для основания будущего города. В 1940 г., после встречи начальника Воркутлага с Иосифом Сталиным, Печорский угольный бассейн стал одной из всесоюзных строек. Задачей властей стало создание крупнейшего угледобывающего центра, снабжающего Северный флот и северо-запад России. Великая Отечественная война, начавшаяся в июне 1941 г., сделала потребность в воркутинском угле еще более острой. В годы войны Воркута стала частью советского тыла – источником топлива для блокадного Ленинграда.

С момента появления первых поселенцев на берегах Воркуты четкая граница между зоной и внешним миром отсутствовала. Отсутствие этой границы объясняется хроническим дефицитом ресурсов, необходимых для охраны заключенных, и отдаленностью лагерного комплекса от «большой земли». Особенно остро отсутствие границы ощущалось во время ежевечерних спектаклей Воркутинского музыкально-драматического театра, в которых заключенные играли на сцене для лагерного начальства, бывших заключенных и ссыльных.

После смерти Сталина в системе ГУЛАГа произошли реформы, задачей которых было повышение экономической эффективности и сокращение численности заключенных. В ходе реформ пенитенциарные и производственные функции были разделены. Амнистия и реформы сократили количество подневольной рабочей силы, усилили межведомственную борьбу и лишили начальника лагеря власти над заключенными и производством. Система патронажа, в рамках которой начальство лагеря давало специалистам привилегии, недоступные другим заключенным, оказалась разрушена. Реформы нарушили хрупкий баланс и стали катализатором трансформации Воркуты из города ГУЛАГа в моногород.

Для восполнения дефицита кадров лагерному начальству необходимо было привлечь вольнонаемных работников. С момента основа-

ния города большинство жителей прибывало в Воркуту не по своей воле и не имело возможности уехать. Бывшие заключенные, спецпоселенцы и их семьи часто продолжали жить в бывших лагерных бараках, переименованных в общежития. Власти не особо беспокоились о жилищно-бытовых условиях бывших заключенных.

Однако для привлечения и удержания вольнонаемных работников необходимо было создать инфраструктуру.

В 1940-е – начале 1950-х годов большинство городских построек проектировалось преимущественно для развлечений лагерного начальства. Яркий пример – строительство Воркутинского музыкально-драматического театра.

Первым признаком трансформации Воркуты стал отказ от планов строительства бассейна, спроектированного в духе сталинского гламура, в пользу возведения детской больницы. Развитая городская инфраструктура должна была привлекать и удерживать вольнонаемную рабочую силу.

С сокращением и окончательной перестройкой ГУЛАГа при Никите Хрущеве Воркуте пришлось привлекать рабочих, чтобы по-прежнему оставаться крупным центром угледобычи. Так, в 1956 г. в Воркуту прибыла первая группа комсомольцев-добровольцев, которые должны были сменить заключенных на шахтах и стройках. Хрущевская вербовочная кампания провалилась. Молодые рабочие быстро уезжали из города, поняв, что их обманули. Однако городское население постепенно продолжало увеличиваться. Рост населения объясняется двумя факторами: во-первых, бывшим узникам Воркутлага некуда было возвращаться, поэтому они предпочитали остаться в Воркуте, где у них были друзья, на поддержку которых можно рассчитывать, и постоянная работа. Во-вторых, Воркута привлекала амбициозных жителей Советского Союза, которые хотели вырваться из нищеты. Работа в Заполярье давала высокий заработок и социальные льготы. Рабочие надеялись получить достаточно денег, чтобы после выхода на пенсию перебраться в более гостеприимную часть СССР.

Однако приток работоспособного населения не гарантировал выживание города. Существование города в Заполярье требовало больших инвестиций. Бесконечный поток дотаций из центра и открытие шахты «Воргашорская» – самой производительной угольной шахты в Европейской России – привели к установлению социально-экономического

равновесия в городе. В конце 1970-х – начале 1980-х годов Воркута превосходила по численности населения и развитию инфраструктуры столицу республики Коми – Сыктывкар. Эпоха позднего социализма стала золотым веком Воркуты.

Однако ситуация резко изменилась после начала перестройки, совпавшей с существенным падением спроса на каменный уголь. Высококачественный воркутинский уголь оказался дорогим и неконкурентоспособным. Советская экономика не могла больше поддерживать нерентабельные промышленные производства. Это спровоцировало экономический кризис в городе и массовые протесты. Во время перестройки события, происходившие в Воркуте, приобрели всероссийское значение. В 1989 и 1991 гг. город стал центром двух крупнейших забастовок шахтеров. Эти протесты ознаменовали собой смерть Советского Союза и крах социалистического типа хозяйствования.

Распад СССР привел к падению темпов добычи угля и, как следствие, распаду городской жизни. Эти изменения обернулись крахом экономики города, а вместе с тем и будущего его жителей. Конец 1990-х – начало 2000-х стали временем расцвета безработицы, преступности и наркомании. За несколько лет город потерял значительную часть своих жителей, а эксперты предрекали, что скоро он полностью прекратит свое существование.

Одновременно с упадком, в конце 1980-х годов, была признана гулаговская родословная города. В советское время официальная «легенда» об основании города состояла в том, что угольное месторождение на берегу реки Воркуты открыл не Георгий Чернов, а местный коми охотник Виктор Попов.

Согласно этой версии, в августе 1940 г. он отправил члену политбюро Лазарю Кагановичу письмо, в котором сообщал, что нашел черные камни, которые горят в костре. В 1946 г. на первой странице «Правды» появилась статья «Сияние севера» – в ней была изложена вторая версия появления города. Согласно этой статье, освоение угольного бассейна началось после того, как Иосиф Сталин получил мешок печорского угля в Кремле в 1919 г. Обе эти версии позволяли вычеркнуть из истории города тысячи заключенных, которые в реальности были первыми поселенцами и шахтерами. Окончательно трансформация Воркуты в символически значимый топоним произошла 5 августа 1943 г. В этот день на вокзале состоялась праздничная де-

монстрация в честь отправки первого эшелона угля в блокадный Ленинград. Демонстрация широко освещалась в советских СМИ, но авторы тактично умалчивали о том, что шахтерами были преимущественно заключенные ГУЛАГа. Дар шахтеров блокадникам позволил вписать город в официальную советскую публичную культуру и отделить его в символическом пространстве от Воркутлага. Таким образом, в советское время Великая Отечественная война заняла центральное место в мифологии Воркуты – годы войны описывали как самое славное время в истории города.

Официальное молчание о темных страницах истории города было прервано с началом перестройки. Воркутинская городская газета стала публиковать откровения бывших узников Воркутлага, а местный музейно-выставочный центр подготовил выставку, освещающую связь города и лагерного комплекса. В 1988 г. на Шахтерской набережной был открыт памятник жертвам политических репрессий, спроектированный воркутинским скульптором Виталием Трошиным. Городские власти заказали скульптору Эрнсту Неизвестному проект мемориала жертвам ГУЛАГа. Мемориал в Воркуте должен был стать одной из точек проекта «Каменные слезы», который совместно с монументами в Магадане и Екатеринбурге образовывал бы «гулаговский треугольник». Однако эти планы не были реализованы из-за экономического коллапса и потери интереса к «проработке» трудного прошлого со стороны федеральных и местных властей. Большинство обсуждений в конце 1990-х – начале 2000-х были посвящены будущему города, а не его прошлому.

В начале 2000-х российская политика памяти изменилась. Победа в Великой Отечественной войне заняла центральное место в мемориальном каноне. Это привело к тому, что в Воркуте в 2001 г. открыли парк Победы, посвященный вкладу горожан в Победу, а в 2010 г. – памятник воинам, погибшим в локальных конфликтах. Баренберг утверждает, что эти мемориалы не говорили об откровенно темном прошлом города, а подчеркивали участие Воркуты в создании и укреплении Российской и Советской империи [Баринберг, 2024,

с. 345]. Таким образом, по мнению исследователя, «проработка» трудных страниц советского прошлого была прервана¹.

Город, основанный в начале 1930-х годов, пережил все трансформации, которые происходили с советским режимом. На первом этапе своего развития Воркута была неотделимо связана с советской репрессивной системой и принудительным трудом. Постепенно вместе с либерализацией советской системы Воркута превратилась в типичный советский моногород, где разные группы советских граждан имели лучшие возможности для достижения личного успеха. Вместе с крахом советского проекта город столкнулся с массой социальных проблем – безработицей, преступностью и депопуляцией.

С началом перестройки Воркуте «вернули» ее гулаговское прошлое, которое десятилетиями было фигурой умолчания. На рубеже 1980–1990-х годов город включили в символическую географию ГУЛАГа (во многом благодаря проекту Эрнста Неизвестного). Однако Воркута уже была вписана в другую символическую географию – связанную с Великой Отечественной войной, которая занимала главное место в локальной истории.

Таким образом, по мысли Баренберга, существуют два нарратива о истории города – история войны и история репрессий. Обращение к тому или иному нарративу связано с политикой памяти, характерной для того или иного периода.

¹ Книга Алана Баренберга, опубликованная в 2014 г., содержит утверждения, которые ставятся под сомнение современными исследователями памяти. Историк утверждает, что власти пытаются маргинализировать историю Воркуты как гулаговского города. Городские власти отказались от идеи строительства крупного мемориального комплекса, посвященного жертвам сталинских репрессий в пользу мемориализации строительства парка Победы и мемориала «Меч и щит». Эти мемориалы, по мнению Баренберга, «подчеркивают участие Воркуты в создании Российской и Советской и империи [Баренберг 2024, с. 245]. Такие утверждения подспудно содержат идеологическую установку, широко распространенную среди исследователей массовых репрессий. Согласно этому представлению проработка трудного прошлого является способом демократизации общества в будущем. Исследовательница памяти Ли Дэвид в книге *The Past Can't Heal Us. The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights* ставит этот тезис под сомнение. Исследовательница показывает, что коммеморация и демократизация общества не связаны. А строительство мемориалов, проведение выставок и публичные извинения перед жертвами зачастую оборачиваются новыми конфликтами [David, 2020]. Свидетелем мемориальных конфликтов был и автор этих строк во время полевой работы в Воркуте в 2022 г.

Список литературы:

David L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2020. – 300 p.

References

David, L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge and New York, Cambridge University Press Publ., 2020, 300 p.